

К Р О К О Д И Л



ДОСРОЧНО И СВЕРХ ПЛАНА

1948 ГОД (1949-й): — А ты что тут делаешь? Почему раньше времени пришёл?

1949 ГОД: — Я-то что! Вон к стахановцу Сидорову 1950-й пошёл!

Рис. Л. БРОДАТЫ

С НОВЫМ ГОДОМ!..

...И тогда поднялся советский рубль, взял в руку стакан и, обдёрнув новенький хрустящий пиджак — жёлтый в разноцветную сетку, — сказал:

— Товарищи и граждане! Позвольте и мне произнести маленькую новогоднюю речь.

— Просим! Просим! — послышались голоса.

— Внимание!

— Тише!

— Слушайте, слушайте!

Советский рубль солидно откашлялся и начал:

— Хотя я и являюсь, так сказать, представителем младшего поколения советской валюты, но в эту торжественную новогоднюю ночь мне хочется говорить о себе. Вот вы все смотрите на меня и, наверное, думаете: «Скажите, пожалуйста, какой он у нас молодой, здоровый, крепкий. Даже завидно». Не отрицаю. Да. Я действительно молодой, действительно здоровый, действительно крепкий. Больше того: я очень устойчивый и очень твёрдый.

Но, товарищи и граждане, прежде чем я стал таким, каким вы меня видите сейчас, мне пришлось пережить немало критических минут и тяжёлых переживаний. Не забудьте, что в разгроме немецкого фашизма наряду с пушками, пулемётами, «катюшами», самолётами, винтовками принимал самое деятельное участие и советский рубль. Советский народ бил гитлеровцев, как говорится, и дубьём и рублём. Так что я за время войны порядком-таки поистрепался. Сам по себе поистрепался, да и фашистские гады не дремали. Небось, знаете сами, как они меня поддельвали? Иной раз смотришь на себя в зеркало и не понимаешь: это ты или твоя фальшивка?

Опять же от различных спекулянтов и кубышечников сильно мне досталось. Я люблю простор, волю, свободное обращение, а меня запихнут куда-нибудь под матрац и держат там в темноте, дожидаясь, пока я вырасту. А какой может быть рост среди клопов и тараканов, в грязной тряпке! Мне для правильного роста, если хотите знать, необходима хорошая, культурная сберегательная касса. Там я, действительно, чувствую себя человеком: расту и развиваюсь. А в кубышке, помилуйте, разве это жизнь? В кубышке я бог знает во что превращаюсь, — не валюта, а, извините за выражение, какая-то греческая драхма или фунт стерлингов! Тьфу! И до того это меня заездили всякие спекулянты и мешочники, что сказать не умею. Разве же это для уважающей себя валюты дело?

Но в самые чёрные дни я не терял надежды. Я знал, что советский народ меня в обиду не даст. Выручит. И, действительно, я не ошибся.

Посмотрел на моё положение трудовой советский народ и сказал: «Глядите, братцы, что-то наш кровный рублик захирел, ослабел малость, шатается, того и гляди, упадёт. Давайте-ка его, братцы, укреплять». А уж что советский трудящийся народ скажет, то верно.

Как прослышали спекулянты да кубышечники, что советское правительство меня укреплять будет, — свету белого не взвидели. Как кинутся, пользуясь моей слабостью, в магазины — и ну покупать! Покупают, хватают, домой тащут, а чего, сами не разберут. Лишь бы чего-нибудь хапнуть.

Одна божья старушка, закоренелая спекулянтка, влопыхах в зоологический магазин заскочила и двух удавов, не тор-

гуясь, купила и в кубышку вместо меня сунула. Дескать, пускай удавы лежат под матрацем и в цене растут.

А один старичок-мешочник два мотоцикла купил. Насилу домой доволот. А что с ними делать — и не знает, потому что он, кроме как на крыше поезда, ни на чём ездить не учёный. Стал их запустить — так на одном горячем разорился.

А вот, например, когда я сюда, на встречу Нового года шёл, на такую картину наскочил: сидит на супробе гражданин и плачет.

— Что с вами, — спрашиваю, — почему плачете?

А он отвечает сквозь глухие рыдания:

— Опоздал. Тринадцать часов.

— Как, — говорю, — тринадцать часов, когда ещё только половина двенадцатого?

А он плачет, разливается:

— Может, у других людей двенадцать с половиной, а у меня ровным счётом тринадцать и не знаю, что с ними делать.

— Чего тринадцать?

— Да часов же. Часов! Тринадцать штук. Восемь будильников, четверо столовых да одни заграничные штампованные. Уже золотые до меня все расхватали. Опоздал.

— Так тебе, дураку, и надо, — сказал я, — теперь тебе не на что и Новый год встретить. Сиди и рыдай. И поспешил сюда. И так, дорогие товарищи и граждане, я очень рад встретить наступающий Новый год среди вас, умных людей, которые знают, что чем крепче и твёрже рубль, тем лучше жизнь, тем скорее придём мы к счастливому будущему. С Новым годом, дорогие друзья! С новым счастьем!



Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

— Возьми, сынок, на память от меня эту карточку. Все остальные я забираю с собой: они тебе не понадобятся.



— Мы просили вас, мистер Джон, зажечь ёлку, а вы по привычке подожгли её.

107147



НОВОГОДНИЙ ПОКАЗ
АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ американской военной администрации в Германии полковник Декстор готовит немецкому населению новогодний подарок. Декстор сообщил представителям печати, что разработал программу устройства ряда выставок, которые «будут перевоспитывать немцев в демократическом духе». Выставки будут знакомить немцев с лучшими образцами американской демократии.

Выставки будут, несомненно, содержать такие поучительные разделы, как суд Линча, деятельность комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, истребление крамолы в Голливуде, наблюдение агентов Федерального бюро расследований за лояльностью американских граждан, закон Тафта—Хартли и многие другие разделы, демонстрирующие образцы «американской демократии».

ОБ ОДНОМ ЭКСПОНАТЕ АМЕРИКАНСКОЙ ВЫСТАВКИ

ПОЧЕТНОЕ место на новогодней американской выставке займёт конгрессмен Дорн. Этот Дорн стал своего рода знаменитостью. В своей речи на Ассамблее организации Объединённых наций тов. Вышинский причислил Дорна к лику поджигателей новой войны. После этого Дорн нивесть что возомнил о себе и стал изрекать глубокомысленные сентенции. Недавно он заявил в американской палате представителей:

— Я верю в такую политику, чтобы в одной руке держать ружьё, а в другой — библию. Теперь ясно, что у Дорна в руках. А вот совершенно не ясно, что у Дорна на плечах.

В МОЛОДОСТИ И СТАРОСТИ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ английского премьер-министра лейборист Моррисон заявил недавно в палате общин, что он сомневается в целесообразности ликвидации палаты лордов. Хотя, добавил кокетливо Моррисон, в молодости он, возможно, выступал бы за её ликвидацию.

Некоторые наивные английские рабочие сокрушаются:

— Эх, если бы сейчас шёл не 1948, а 1908 год! Какие дела творил бы Моррисон!

По этому поводу старики-рабочие вспоминают:

— Действительно, в молодости Моррисон что-то подобное говорил насчёт ликвидации палаты лордов, но, помнится, тогда он добавлял, что надо ещё годов 40 подождать...

Силён этот Моррисон: всегда знает, что сказать в пользу хозяев!

М. ЯНКО

Лев

НА

ПЛОЩАДИ

Комедия «Лев на площади» состоит из пяти действий. Маленький городок на юге Франции. «Отцы города» — владелец магазина «Дам дю миди», он же мэр, он же «старый социалист», владелец ликёрного завода г. Делё, редактор газеты «Фламбо дю миди» и др. Все они сотрудничали с немцами, все жаждут «американской помощи». В городок приезжает американец Джемс Лоу, уроженец захолустного Джексона. Ему поручили скучать древности. Он увидел в городке старую статую льва — символ независимости — и решил вывезти её в Америку. Отцы города принимают Лоу за «наблюдателя». Так вечная тема «Ревизора» разыгрывается во французском Царевкокшайске. Отрывок взят из четвёртого действия.

(Гостиная в доме мэра. Окно-дверь. В окне видна площадь; памятник — старинный геральдический лев, который поддерживает щит с надписью. Гостиная загромождена мебелью, вазами, статуэтками. На стенах фотографии в рамах. Лоу пьёт кофе, положив ноги на столик, и беседует с мэром.)

ЛОУ. Какого века это кресло?

МЭР. Вы надо мной смеётесь, господин Лоу. Конечно, у нас во Франции много пережитков, но лично я новатор, между нами говоря, я обожаю всё новое. Хотя я старый социалист, мне нравятся дерзания, взлёт ввысь: небоскрёбы, генерал де Голль... А это кресло жена купила перед самой войной, оно почти модное.

(Лоу встаёт, берёт статуэтку.)

ЛОУ. Это случайно не древнегреческая?

МЭР. Что вы! Это из магазина «Дам дю миди» — я продал девяносто таких девчонок. Посмотрите: довольно пикантная. Здесь есть одна девчонка в таком стиле. (Шопотом.) Бу-буль, настоящий чертёнок...

ЛОУ. Глупо и безнравственно. Почему у вас нет старинных картин, например Рафаэля?..

МЭР. Я вас уверяю, господин Лоу, я стараюсь идти в ногу с веком. У меня на стенах фотографии великих современников.

ЛОУ (показывает на одну из фотографий). Племянник?

МЭР. Нет, семейные у меня в спальне. Здесь



только столпы республики. (Снимает одну из фотографий, под ней видна другая.) Это Поль Рейно.

ЛОУ. Угу. А под ним у вас кто-то другой?..

МЭР (снимает второй портрет, под ним третий). Так удобнее, все под рукой. Рейно уже висел. А до него висел Шотан, потом Лаваль, потом Петэн, теперь снова Рейно. Вон там Рамадьё, а под Рамадьё—Даладьё. Раньше был Даладьё, а под ним Рамадьё. Шотан, наверно, снова вискочит. А вот Лавалья, я думаю, можно выкинуть: раз его повесили, он уже не составит кабинет. Петэн — дело другое: Петэн ещё может стать премьером. Не знаю, кого теперь повесить под зеркалом, это, так сказать, — центральное место — президента или генерала?

ЛОУ. Президента, но настоящего — Соединённых Штатов. Угу.

МЭР. Я хочу попросить ваш портрет, мы его повесим в мэрии. Сегодня вечером у нас тор-



жество: мы вручим вам грамоту «Джемс Лоу — почётный гражданин нашего города».

ЛОУ (стоит у окна). Скажите лучше: зачем здесь этот пудель? Не понимаете? Ну, лев, если вы называете это львом...

МЭР. Мы хотели отдать его в музей, а вместо него поставить настоящий памятник. Один скульптор из Гренобля представил проект: республика, то есть молодая женщина с красивым бюстом, держит фонарь. Но у города нехватило средств.

ЛОУ. А что написано на гербе?

МЭР. «Нон лицет» — «Не подобает». Это я ещё учил в школе... Когда враги осадили наш город, начались голод, чума, они предложили капитулировать, а горожане собрались на этой площади и ответили: «Нон лицет» — «Не подобает».

ЛОУ. Глупо и безнравственно. Когда человек в пиковом положении, он не должен ломаться: «подобает» или «не подобает», он должен лезть из кожи вон. А вы убеждены, по крайней мере, что этот пудель действительно пятнадцатого века? Может быть, он тоже из вашего магазина?

МЭР. Что вы, господин Лоу! Это достопримечательность города. К нам приезжал из Парижа специалист, он написал про этого льва в «Ревю де дэй монд». Если вы хотите, я вас познакомлю с нашим архивистом...

ЛОУ. У меня нет времени для таких дурацких разговоров. Если бы у меня был герб, как у этого пуделя, я написал бы на нём: «Тайм ис монэй» — «Время — деньги». Я у вас уже три часа, и мы ещё ни о чём не договорились...

МЭР. Но ведь мы обедали. Моя жена, моя дочка были так восхищены вашим обществом!.. Теперь мы можем поговорить. Франция когда-то послала Лафайета. У Вердена мы сражались за идеалы демократии. Да и недавно вокруг этого города отважные партизаны...

ЛОУ. Слушайте: за кого вы меня принимаете? Я не писатель. Меня не интересует Лафайет. Сто тонн пшеницы, это вас устроит? Двенадцать тонн сахара? Двести тысяч банок с тушонкой? Идёт? Ну? Почему вы молчите?

МЭР. Я не знаю, что сказать... Я подавлен вашей щедростью. Я потрясён вашим благородством. Вы...

ЛОУ. Я не при чём. Благодарите граждан Джексона.

МЭР. Я думаю, что мы переименуем авеню Эмиля Золя в авеню Джексона. Это лучшая улица города, на ней мой магазин «Дам дю миди», и она выходит прямо на площадь Джемса Лоу.

ЛОУ. Оставьте ваши улицы. Не так уж их много. А вам, наверно, придётся ещё много переименовывать. Вы думаете, что жителям Джексона интересно, как называется улица, на которой вы торгуете дамским бельём? Мы, американцы, не честолюбивы. Мы любим дарить анонимно. У нас даже была в Джексоне «неделя сюрпризов»: все подносили друг другу электрические бритвы, кофейники, галстуки, и нельзя было догадаться, от кого подарок. Угу.

МЭР. Может быть, послать муниципалитету красивую, художественную чернильницу?

ЛОУ. Бросьте! Джексон — это не ваша дыра и это не Нью-Йорк, Джексон — действительно культурный город. У нас люди вообще не пишут, а чеки они подписывают вечной ручкой с твёрдыми чернилами. Угу.

МЭР. Мы можем подыскать серебряную вазу.

ЛОУ. При чём тут серебро? Америка — это не тётушка, и такое событие — не именины.

МЭР. Что же нам подарить? Может быть, вы мне подскажите?

ЛОУ. Угу. Мы, американцы, помним, что наши предки когда-то прозябали в Европе. У каждого американца где-то глубоко, в сердце скрыта нежность к паршивой европейской рухляди. Пошлите им этого льва. Вы сразу убьёте двух зайцев! Освободитесь от уродства и растрогаете граждан Джексона.

МЭР. Но я не знаю... Это ведь памятник старины...

ЛОУ. Что из того? Львы от возраста не дорожают, это не наполеоновский коньяк. В общем, мне наплевать на этого пуделя. Но теперь я вижу, что я напрасно с вами разговариваю. Вы старый социалист и мямля. Тот господин с ликёрами производит куда более выгодное впечатление...

МЭР. Что вы, господин Лоу! Делё — только заместитель, он ничего не может решить. А я



мэр, на мне лежит вся ответственность... Вы сказали: сто тонн пшеницы?

ЛОУ. Угу. Двенадцать сахара. Двести тысяч банок. Ни на одну больше, ни на одну меньше. Можете упаковать этого пуделя: я еду сегодня ночью, и я возьму его с собой. Я это сделаю только ради вас.

МЭР (жмёт руку Лоу). Спасибо, дорогой друг! Вы не подозреваете, как трудно быть мэром! Да ещё в такое страшное время... Все говорят, что сегодня начнётся забастовка. Будто бы в городе Мари-Лу... Я сейчас попытаюсь успокоить людей. Сто тонн пшеницы — это веский довод! Беда, что они больше никому не верят. Мы стоим над бездной. Кружится голова...

ЛОУ. Угу. Это от шампанского. (Зевает.) Сколько до вашей проклятой церемонии?

МЭР. У вас ещё три часа, можете отдохнуть. (Спускает жалюзи. Лоу спит, положив

ноги на стол. Мэр на цыпочках уходит. Входят жена мэра, почтенная дама в чёрном шелковом платье, и дочь мэра Марго, хорошенькая хохотушка. Увидев спящего Лоу, Марго прыскает, мать пытается её унять.)

ЖЕНА МЭРА (шопотом Марго). Тише, он кажется, задремал. Всё зависит от тебя: он может составить твоё счастье. Он мне сказал, что он не женат. Холостой американец — вот это находка! Второй раз у тебя не будет такой okazji. Выйти замуж за человека из Джексона, ты понимаешь, что это значит?

МАРГО. Я не маленькая, можешь мне не объяснять, что значит выйти замуж, я понимаю.

ЖЕНА МЭРА. Дура, как будто я тебе говорю о муже. Все мужья похожи друг на друга. Дело не в муже, муж — это вещь второстепенная. Но ты понимаешь, что значит Америка? Масло без карточек, огни Бродвея, манто из бобров, полудлинные платья... Сразу видно, что это человек с положением, — посмотри, как он ставит ноги...

МАРГО. Посади свинью за стол, а она, бедняжка, и ноги на стол.

ЖЕНА МЭРА. Что ты мелешь? Почему «бедняжка»?

МАРГО. Понятно: свиньи не сидят за столом, а если посадить, она, бедняжка, и кладёт ноги не туда.

ЖЕНА МЭРА. Ты такое несёшь, что тошно... Слушай, Марго, мне нужно переодеться, а папа готовится к торжественной церемонии. Посиди здесь. Когда он проснётся, займи его разговорами. Помни: от этого часа зависит твоя судьба. Постарайся его расшевелить и не глупи: теперь добродетель ни к чему, теперь нужны доллары. (Уходит. Входит писатель.)

ПИСАТЕЛЬ (Марго шопотом). Спит?

МАРГО. Можете говорить громко; напились и дрыхнет. Что нового в городе?

ПИСАТЕЛЬ. Отвратительно. Ходят по улицам, кричат. Я стараюсь не слушать. С тех пор как Сартр установил, что пути народа и пути свободы разошлись, я избегаю всех проявлений общественной жизни. Вчера я попал в потасовку: полиция разогнала рабочих, кто-то кого-то бил, случайно и меня оскорбили действием, но я не обратил внимания, я даже не спросил, почему они беснуются. Я твёрдо решил уйти от злободневности, Марго, ночью я написал замечательные страницы, я показываю всё превосходство душевной гнили...

МАРГО. К стати, вы снова мне продали гнилые чулки. Третья пара сразу расплзается...

ПИСАТЕЛЬ. Я вас прошу, когда с вами говорит писатель, забыть о чулках. У меня, как у Януса, два лица. Я сам знаю, что чулки гнилые: мои американцы — страшные жулики. А ноги у вас, как у лесной нимфы Маллармэ. Знаете что, Марго, я не могу жить без вас. (Целует её. Она спокойно отвешивает пощёчину.) Почему вы упрямитесь? Лучше сопрешить со мной, чем с этим примитивом: у меня и американские чулки и французская сложность. Я могу вас воспитать — эстетически и эротически. Я сделаю из вас опытную сюрреалистку. Я вам это говорю, как тончайший фрейдист нашего времени. Знаете что, Марго, вы не можете жить без меня. (Целует. Она снова отвешивает пощёчину.)

МАРГО. Это по второму лицу Януса.

ЛОУ (просыпается). Уже началось?

МАРГО. Что?

ЛОУ. Мне показалось, что кто-то выстрелил.

ПИСАТЕЛЬ. В свидениях всегда проступает подлинная реальность. Вам снилась война? Значит, вас сегодня поцелует красивая женщина.

ЛОУ. Угу. Дайте мне ещё пять пачек на дорогу. (Берёт сигареты.) Что у вас там? Чулки? Пенициллин? Шоколад? Нет, больше ничего не нужно? Как собачий хвост? Не понимаете? Как поживают ваши греки?

ПИСАТЕЛЬ. О греках лучше спросить вас. Мне нужно перед церемонией побриться. (Уходит.)

ЛОУ. Ну?

МАРГО. Что «ну»?

ЛОУ. Этот поэт мне сказал, что сегодня меня поцелует красивая женщина. Ясно, что это не относится к вашей мамаше. Я жду. Можете проявить инициативу. Ну? Вы что, стесняетесь? Я вас понимаю: с одной стороны личный представитель Джексона, с другой — молоденькая

французская провинциалка. Но мы, американцы, — простые люди, мы не стоим за церемонии. Валийте... Я даже согласен вам помочь... (Хочет её обнять, она убегает в сторону.)

МАРГО. Я сейчас уже отпустила две пощёчины, у меня болит рука. Потом вы американец, «личный представитель Джексона», простой пощёчинной вас не проймёшь, а боксировать я не умею. Сядьте в это кресло. Предположим, что между нами Атлантический океан, хорошо? Мама просила вас занять до вечера, но я не знаю, чем можно занять господина из Джексона? У меня, ведь нет ни биржевых бюллетеней, ни виски, ни жевательной резинки. Вы всегда жуёте эту жвачку?

ЛОУ. Угу. Но вы действительно бесцеремонны. Мне это даже нравится. Вообще вы того... Что вы скажете, если я вам сейчас предложу руку?

МАРГО. Я скажу, чтобы вы убрали ногу: у вас удивительно противная нога.

ЛОУ. Вы знаете, кто вы? Дочка мелкого галантерейщика в разорённой стране. Вы должны ликовать при одной мысли о Джексоне. Здесь вы ходите на базар и стираете сами свои рубашки. А там у вас будет собственный дом, пылесос, холодильник, стиральная машина. Вы увидите страну чудес. Вы увидите, как из свиньи в несколько минут делают изящно упакованные консервы.

МАРГО. Вот это мне нравится. Уберите ноги, бедняжка!

ЛОУ. Жалеть меня нечего, у меня блестящие перспективы. Представляю, что станет с Джимом, когда он увидит пуделя!.. Впрочем, зачем говорить о пустяках? Время — деньги. Вы принимаете моё предложение?



МАРГО. Какой вы смешной! Я думала, что такие бывают только на экране. Бедняжка...

ЛОУ. Я вам повторяю: я богат. Вы ещё пожалеете, что не стали госпожой Лоу.

МАРГО. Вот уж нет. Сейчас мне смешно, но больше десяти минут вас нельзя вынести. Скажите, в Америке много таких?

ЛОУ. Не понимаю. Какких?

МАРГО. Ну, таких... Одним словом, бедняжек.

ЛОУ. Вы слишком много себе позволяете. Каждый американский бедняк богаче ваших попрошайек. У нас в Джексоне...

МАРГО. Слушайте, перестаньте жевать вашу резину! Или вы многокопытное или жвачное.

ЛОУ. Нахалка, я тебя поташу в комиссию по антиамериканской деятельности!

МАРГО. Хам!.. (Входит жена мэра.)

ЖЕНА МЭРА. Молодые воркуют? Молодость, утро любви, пора счастья. Я, кажется, пришла не вовремя: вспугнула голубков. Разговаривайте, разговаривайте, я не буду вам мешать. (Уходит.)

МАРГО. Поздравляю вас с новым званием: вспугнутый голубок, он же жвачная свинья. (Входит писатель.)

ЛОУ (писателю). Нечего сказать — Франция, культура, Бальзак, Лафайет, Фоли Бержер! А дочка мэра ведёт себя, как трактирная служанка.

ПИСАТЕЛЬ. Они все такие. Мещане. Здесь негде развратиться ни поэту, ни коммерсанту. Господин Лоу...

ЛОУ. Я взял у вас сигареты. А чулок мне не нужно. Хотел подарить этой барышне, теперь лудки.

ПИСАТЕЛЬ. Я к вам обращаюсь не как коммерсант...

ЛОУ. Как поэт? Ни в коем случае, у меня и так болит голова.

ПИСАТЕЛЬ. Как человек. Я вас умоляю, возьмите меня с собой в Америку. Во-первых, здесь толпа врывается в мою кумирню. Во-вторых, мне надоело нищенствовать. В-третьих, я боюсь: не сегодня — завтра здесь начнётся резня. Мне сказали, что вы увозите с собой льва, его сейчас заколачивают. Чем я хуже? Я поэт, — значит, я тоже памятник старины. Если нужно, я буду писать в стиле пятнадцатого века, я согласен абсолютно на всё. Я вас умоляю, запакуйте меня в ящик — не нужно ни виз, ни паспорта. Я буду писать рекламы, я буду вашим оруженосцем, вашим грумом, вашим негром.

МАРГО (подымает жалюзи). Что ж это такое?.. Льва нет... Это правда, что вы его забираете?

ЛОУ. Угу.

МАРГО. Какая низость! Вы не смеете!.. Зачем вам наш лев? Ему нечего делать в Америке. Послушайте, оставьте льва! Я вас прошу, я вас очень прошу. Возьмите лучше его. (Показывает на писателя.) Он мне только что доказывал, что мы не можем обойтись друг без друга. Но если бы вы знали, до чего он мне очурился! Почти, как вы... Он продаёт гнилые чулки, пишет пакостные книжки и, ко всему, не даёт мне прохода. Заберите его! Вы увидите, такой у вас не пропадёт. Он ещё станет личным представителем великого Джексона. Правда, он не жуёт резинку и не кладёт ноги на стол, но я вам даю слово: он научится. Он тоже бедняжка, только он не жил в Америке и ещё не показал себя. Положите его в ящик...

ЛОУ. Это невозможно. Есть квота. Процент баварцев, порториканцев, французов. Америка — не гостиница, как ваша Франция: это рай, а в рай пускают только по квоте.

(Входит мэр, он во фраке, на животе трёхцветная лента.)

МЭР. Вот я и в полной форме. И левушка готов. И в мэрии всё приготовили. Исторический вечер! Как вы отдыхали, дорогой господин Лоу?

ЛОУ. Отвратительно! Мне всё у вас отвратительно: социалисты, клопы, эта развязная девочка, пудель, шампанское, шалопаи, вы! Скажите, почему мы должны каждые четверть века сначала вас освобождать, а потом вас кормить? Я сказал упрям, что нужно открыть Европу. Теперь я думаю, что может быть, лучше её закрыть. Навсегда.

МЭР. Знаете, отчего это? От гусиного паштета. У меня это всегда бывает, когда я съем гусиный паштет — тяжёлое пищеварение и мысли. Вы можете ещё отдохнуть до церемонии. Марго, а где мамочка?

(Убегает редактор. Он чрезвычайно возбуждён.)

МЭР (редактору). Что случилось?

РЕДАКТОР. Ужас!.. Я хотел успокоить, но где тут!.. Еле выбрался... Говоря откровенно, я даже не понимаю, как я остался жив...

МЭР (шопотом редактору). Неужели госпожа Пижке узнала про Бубуль?

РЕДАКТОР. Вы с ума сошли! Как вы можете думать о таких глупостях? Я вам говорю, что они чуть меня не убили. Они хотели разгромить газету. Желанию подбили второй глаз. Хорошо, что подоспела полиция... Зачем вы придумали эту историю с переименованием площади? Они и без того разъярены, а это последняя капля... Вы знаете, где они сейчас? На авеню Эмиля Золя!

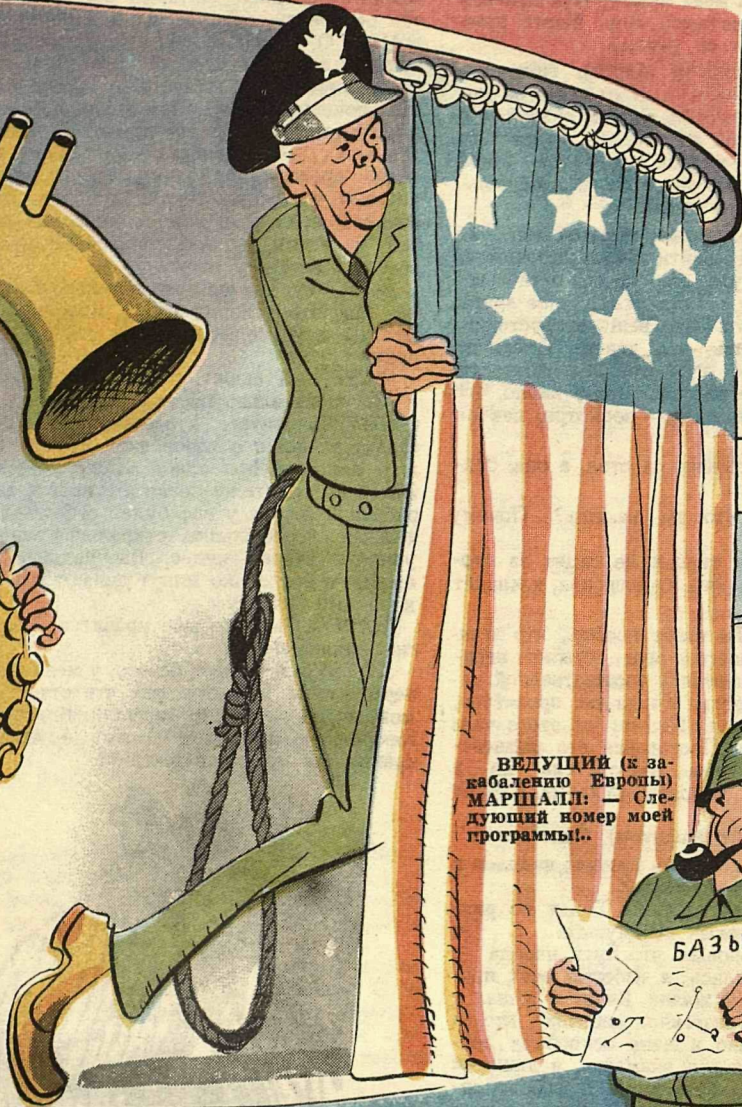
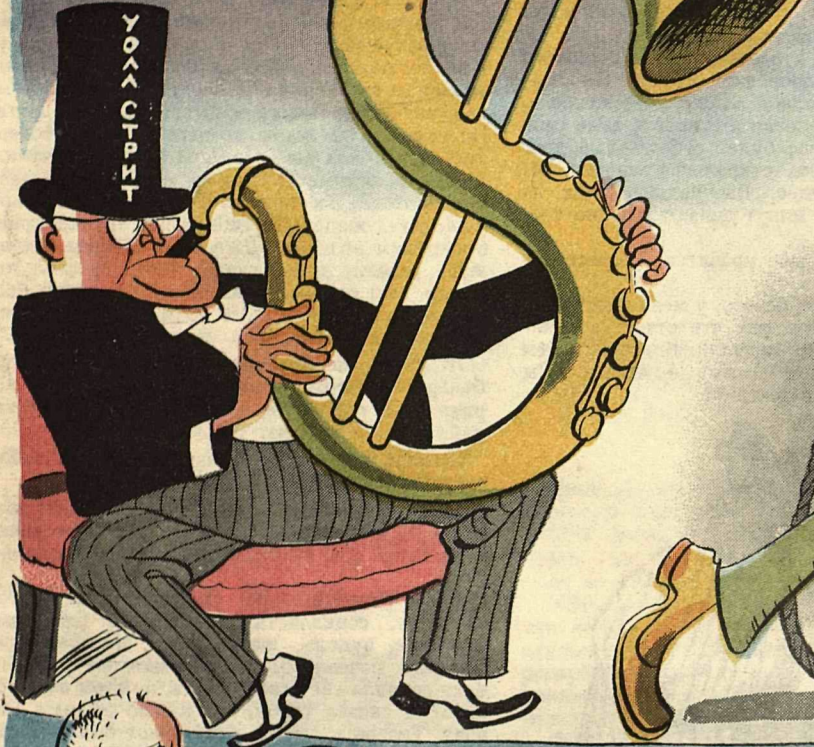
МЭР. Возле «Дам дю миди»?

РЕДАКТОР. Нет, на углу Гранд-рю, дальше их не пускает полиция. Вы думаете только о вашем магазине. А нам всем конец!.. У меня ещё стоит в ушах рёв. Они кричат, что нет хлеба, «к чорту наблюдателей», про Сталинград... Теперь расхлёбывайте. Ведь это ваша идиотская идея... Я считаю, что глупо умереть из-за такой ерунды, как название площади. Говорят, что через час начнётся всеобщая забастовка...

ЛОУ. Никаких забастовок! Есть закон Тафта. Вы, кажется, забываете, что я должен сегодня ехать? Нужно вызвать солдат. Где пожарные с насосами? Я вас спрашиваю: где газы? У вас ничего не подготовлено. Это — не государство: это кабак. Я пришлю вам из Джексона такие газы, что все коммунисты забудут про свой коммунизм. Угу. Нельзя трусить, господин редактор! Умеете писать, умеете и отчитываться. (Мэру.) Когда отходит мой поезд?

Под Долларом

Играет Сам (пляшут другие).



КУХНЯ

Кухня французская (повара американские).

ВЕДУЩИЙ (к забавлению Европы) МАРШАЛЛ: — Следующий номер моей программы..



СКАЖИ ВАМ: — вам!



Прислуживают (кому — известной) Шумахер, Блюм, Сарагат и многие другие.



Суверенитет-а-тет нянки и турчанки. Она строит глазки, а он — базки.



Ялчин кутит. Сидит по-немецки, пьет кофе по-турецки, а на чай получает по-американски.

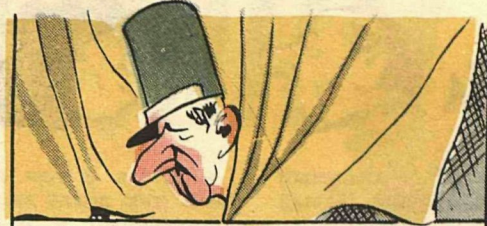
ШУМАН: — Это место занято мной для де Голля!

В КАБАЧКЕ «ПОД ДОЛЛАРОМ»



КРИЗИС

Новогоднее гадание перед зеркалом.



Для нескромных дел при кабацке имеются отдельные кабинеты министров (бывших).

Лейбористско-консервативное
ВИСКИ

Пейте
ВИШИ
нового
разлива

ипу-
аме-

АЛ КА-
Подам-ки

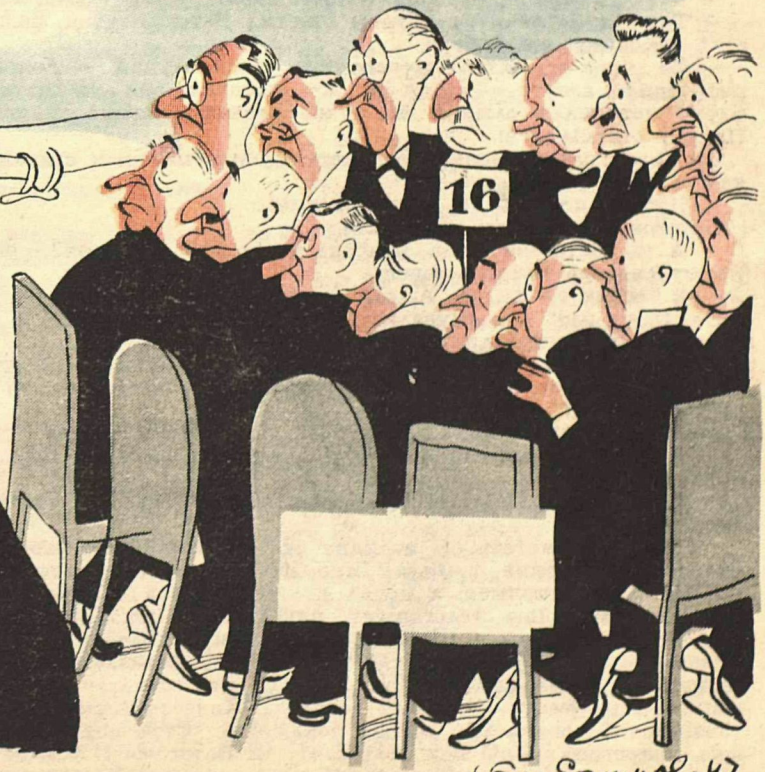


— Режьте Германию на куски, мистер! По частям будет легче съесть её.

МИКОЛАЙЧИК:
— Ну, вот я и перешёл с польской старки на родное виски!



— Я пью за вас, дядя Сам!
— А я ем за тебя, Джон Буль!



— До чего скверная подача в этом кабацке! Второй год ждём, — ничего не подают!..

Бор. Еришов-47.

В двухместном купе



ПОЛУЧИЛОСЬ так, что известный, популярный и любимый оперный артист Илья Иванович Батогов под самый Новый год оказался в поезде.

В уютном двухместном гнёздышке, куда его устроил поклонник — какой-то железнодорожный начальник, — Батогов оказался один.

«Перестарался, лысый... чудак! — непочтительно подумал певец о своём высокопоставленном почитателе. — Изволь теперь Новый год в одиночку встречать!»

Батогов посидел, покурил, поскучал, грустно выпил несколько рюмок коньяку и, проникнувшись тёплой жалостью к самому себе, решил встретить Новый год во сне...

Проснулся он через час. Было около одиннадцати часов ночи. Поезд стоял на станции. В коридоре вагона раздавались шум голосов, пыхтенье и какое-то топтанье.

— Давай скорей! — говорил кто-то за дверью бархатным баритоном. — Не урони! Тише ты, чорт! Проводник, сюда, что ли?

— Ко мне! — обрадовался певец. — Вот и попутчика боженька послал!

Дверь открылась, и Батогов увидел, что обладатель бархатного баритона представляет собой маленького человечка с бледным носиком в виде перевёрнутой запятой и светлыми вытаращенными глазками.

Одет он был в большую — не по росту — кожаную шубу и тёплую шапку-ушанку.

Человечек разместил в купе свои чемоданы, отпустил носильщика, снял шубу и, когда поезд тронулся, сказал, обратившись к Батогову, очень деловито и так, как будто они ехали вместе уже трое суток:

— Выпивать-закусывать сейчас будем или малость обождём? — Зачем же ждать? — засмеялся Батогов. — Не будем терять золотого времени.

Маленький человечек с той же привычной деловитостью стал рыться в дорожной корзине с припасами.

— Работаю я тут недалеко, на строительстве, — сказал он, откупоривая бутылку, — разъездным агентом. А фамилия моя — Батогов.

— Как? — сказал Батогов, приветом от удивления.

— Батогов. Как у этого певца знаменитого. Знаете? Поражённый этой странной игрой всемогущего случая, певец стал натужно кашлять, не зная: сказать разъездному агенту Батогову, что знаменитый певец Батогов сидит перед ним своею собственной персоной, или не сказать?

— Что с вами? — спросил Батогов-агент. — Вы подавились? — Так... пустяки! — с трудом ответил Батогов-певец, решивший сохранить инкогнито.

— Со мной однажды в дороге был такой случай, — пояснил разъездной агент, — я так же вот располагался ужинать и вдруг подавился слюной на почве разырвавшегося аппетита. Насилу откашлялся!..

Он ловко разлил водку по пластмассовым цветным стаканчикам и сказал:

— Нуте-с, поехали! С наступающим!.. Батоговы чокнулись и выпили.

— А вы Батогова-певца никогда не видали в жизни? — осторожно спросил Батогов-агент.

— В жизни не видал. А, так сказать, в огнях рампы — два раза. Один раз — в «Русалке», другой — в «Годунове». А вы, извините, по какой линии трудитесь?

— По линии снабжения, — соврал Батогов-певец. — Скажите, с вами, наверное, бывали разные интересные случаи... из-за вашей фамилии?

Разъездной агент налил по второй, чокнулся и сказал:

— Бывали разные случаи!.. Нуте-с, поехали дальше!.. Ещё раз с наступающим!..

— Какие же разные случаи бывали? Расскажите... товарищ Батогов.

— Должен заметить, — солидно сказал разъездной агент, — что это совпадение фамилий мне лично помогает в текущей работе. Как, например, я попал в этот поезд и в этот вагон? Очень просто! Даю телеграмму начальнику вокзала: «Прошу оставить одно мягкое место в поезде номер два-бис Батогов». Приезжаю, иду прямо в кассу: «Батогову оставлено место?» Девушка-кассириша сияет: «Как же, как же, оставлено. Плачу деньги, беру билет. Кассирша говорит: «Хочется посмотреть на товарища Батогова. Где он сам, покажите». «Стою перед вами и весь очарован». «Как! Вы... Батогов?» «Я Батогов!» И сейчас же ей под нос своё командировочное удостоверение. Ну, конечно, разочарование, ахи, охи! Но билет тем не менее у меня в кармане. И никакого обмана, заметьте себе. Ведь телеграмма подписана просто — Батогов. А я Батогов.

— Ловко! — сказал певец с некоторой обидой в голосе.

Разъездной агент подумал и налил по третьей.

— Ямщик, не гони лошадей! — сказал певец, погрозив разъездному агенту пальцем.

— Когда я еду пассажирским или товаро-пассажирским, я тогда пью водку медленно! — заявил разъездной агент с той же солидностью. — А у нас — курьерский. Скорость, так сказать, подстёгивает!.. Нуте-с, с наступающим!..

Он опрокинул третью, закурил колбаской и сказал, продолжая разговор:

— У нас в стране любят артистический мир. Но должен, повторю, заметить, что я лично свою знаменитую фамилию использую исключительно в интересах дела. У нас есть один агент, его фамилия — тоже Козловский. Когда трудное поручение, нас с ним посылают вдвоём, и мы буквально творим чудеса. Вот недавно надо было достать ослицу. На заводе без наряда не дают. А нам срочно нужна ослица. Мы наряды ждать не можем. Приезжаем в город, видим афиши: «Гастроли Батогова». «Порядок!» — думаю. Звоню по телефону прямо директору завода. Голос у меня подходящий — бархатный баритон. «С вами говорит Батогов». «Очень приятно. Чем могу служить?» «Голубчик, нельзя ли Востокстрою подкинуть осличку... без наряда. Потом они оформят». «Трудновато, Илья Иванович. А почему, позвольте узнать, вы так хлопочете за Востокстрой?» «Просто так. Платонически. Люблю это строительство». «Шефствуете, так сказать?» «Вот-вот!» «Придётся что-нибудь придумать, Илья Иванович». «Так я к вам сейчас Козловского пришлю, вы с ним всё и оформите». «А товарищ Козловский тоже приехал?» «Приехал. Стоит рядом со мной». «Боже мой, да мы сейчас машину за ним пришлём!» «Не надо, он сам доберётся».

— Позвольте, но ведь потом-то они видят, что Козловский — это не Козловский!

— Поздно. Во-первых, им самим смешно. А когда человек смеётся, — он добрее. А во-вторых, уже неудобно отказывать. Психология!..

— И всё всегда вам сходило с рук?

— Не всегда. Однажды, помню, нарвался на нотацию. Но я был в этом не виноват, а виноват был Батогов-певец.

— Интересно! — сказал Батогов-певец. — Чем же он был виноват?

— Его тогда в газете проработали. За какие-то там «левые» концерты. Не по ставке получал.

Батогов-певец покраснел и снова громко закашлялся.

— А я, представьте, этого не знал! — продолжал Батогов-агент. — Позвонил одному директору вот в такой же манере, а он мне прямо так и отрезал: «У нас, — говорит, — товарищ Батогов, не эстрада, у нас такие номера не проходят».

— А вы что?

— А я испугался, что целая история может получиться, говорю: «Я не тот Батогов».

— А он что?

— Долго не верил. «Я, — говорит, — сразу узнал ваш бас. Не отпирайтесь!» «Честное слово, я Батогов, но не тот Батогов».

«А ну-ка, спойте мне по телефону «Есть на Волге утёс!» Я запел. Тогда он сказал: «Теперь я верю, что вы не тот Батогов. У вас слух, как у того медведя, которому его брат на ухо наступил».

Батогов-агент налил себе четвёртую, быстро выпил и сказал, махнув ручкой:

— Бог с ними, с этими знаменитостями! Кто их там знает, что это за люди! Да вот про этого же Батогова-певца говорят такое, что уши вянут!..

— Что же про него такое говорят? — беспокойно спросил Батогов-певец.

— Коньяк, говорят, хлещет, как воду. Стакан выпивает одним духом — и ни в одном глазу. Только крикает!..

Певец, потянувшийся было за своим коньяком, отставил фляжку и смущённо крикнул.

— Потом, говорят, жениться он очень любит. Каждый год на новой женится, а со старой разводит.

— Полно врать-то! — не выдержал Батогов-певец. — Хватит! Двадцать пять лет со своей старухой душа в душу живу!..

...Новый год Батоговы встретили друзьями. Батогов-певец обнимая Батогова-агента за хилую шею, внушал ему:

— Пётр Сергеевич, не обижайтесь, но вы должны свою славу сами искать, а не за хвост чужой держаться. Вот я знаю одного рыбака — Пушкина. Знаменитость у себя на Каспии. Его все знают — рыбак Пушкин. Выполняет и перевыполняет. Вы меня понимаете?..

Но Батогов-агент после полуночи мало что понимал. Он тарачил свои и так вытаращенные глазки и, глядя на певца с тёплой влюблённостью, бубнил:

— Илья Иванович, умоляю, прошу, не сердитесь. Клянусь, всё брошу. И телеграммы не буду давать и по телефону брошу звонить. Не верите?.. Ну, хотите, фамилию перемену?.. Вот придёте — и прямо в загс. Меняю фамилию Батогов хоть на... Козловский. Специально для вас. Клянусь!..

Певец смотрел на него и смеялся так, как давно уже не смеялся.

МАТЬ И ДИТЯ

— Дитя моё! — сказала мать. — Это я. Вчерашний день этому дитяти стукнул сорок первый год. Как видите, даже по возрасту он непохож на замерзающего мальчика, традиционного героя старых новогодних рассказов. Тем более, что дитя сидит в тёплом, уютном кабинете.

— Мама, ты?! — удивилось оно и начало смущённо тереть свою роскошную густую бороду.

Автор просит извинения у читателя: он забежал несколько вперёд. Давайте, как говорят следователи, расскажем всё по порядку.

В кабинет Василия Егорыча, большого начальника большого учреждения, вошла секретарша. Описывать её наружность и манеры не будем: они давно воспеты в юмористических рассказах и фельетонах других уважаемых авторов.

— Василий Егорыч, — сказала она, — вас спрашивает какая-то старушка.

— Занят.

— Это самое и я ей сказала. Но она не уходит.

— У меня совещание.

— Говорила. Не помогает.

— Ладно. Пусть зайдёт.

Большой начальник тотчас же сделал то лицо, с которым он обычно принимал посетителей. На таком лице крупным шрифтом значилось: «Недосуг мне канителиться с тобой. Короче! И скорее проваливай!»

Она вошла в кабинет, эта назойливая старушка. Василий Егорыч оторвал свои глаза от какой-то бумажки, лежащей перед ним. Мать!

— Дитя моё! — сказала мать. — Это я.

— Мама, ты?! — удивилось дитя. — Как же так? Сядь, пожалуйста. Ну, как ты ко мне попала? Вот в это кресло, здесь не дует. Такая гостья!

Екатерина Сергеевна почти всю жизнь прожила в маленьком неказистом домишке на окраине волжского города Н. Два года назад, после смерти мужа, она по настойчивой просьбе Василия Егорыча и невестки переехала к ним в Москву. «Людей посмотреть и себя показать», — как говорила бойкая старушка.

Но бойкая старушка оказалась большой домоседкой. Оказалось, что она не охотница «трепать хвостом» по Петровкам и Кузнецким мостам. Да и строго судить её за это нельзя: как-никак, а старушке круглым счётом восемьдесят годов!

Вот почему дитя страшно удивилось, увидев мать в своём кабинете. Что случилось? Как она приплелась сюда?

— Ты меня извини, — сказала мать. — Потревожила я тебя на службе... Но на то своя причина. Мне, может, скоро... это самое... как называется, забыла... Память уже не того... — в живых глазах старушки заискрился лукавый огонёк. — Ах, да, вспомнила. Мне, может, скоро помирать придётся... Не перебивай. Знаю, что ещё проживу долго. Это я так сказала, для красного словца. Ну, вот, захотелось мне собственными глазами посмотреть, как ты тут... Дома как ты отдыхаешь — это я знаю. А вот как сынок работает, мать и понятия не имеет. Ежели тебе не помешаю, посижу тут часик — другой и полюбостыкую. Разрешаешь, товарищ начальник?

Василий Егорыч подумал:

«Чудах-человек — моя старушка. Но ничего, пусть посидит. Пусть посмотрит, каким стал её Вася».

И вот сидит Екатерина Сергеевна в углу, в большом кабинете большого начальника.



— До чего, однако, хитёр наш Пётр Иванович! Пользуется тем, что его нельзя узнать, и критикует директора вовсю!

Порой сын совершенно забывал о присутствии матери: дела, бумаги, бумажки, телефонные звонки (четыре телефона), заместители, помощники, разговоры, директивы.

Порой вспомнит, взглянет на мать: ничего, сидит, лицо тихое, спокойное, чудак-человек!

Так прошло часа два. Потом дитя сказал матери:

— Мама, кушать! Едем домой обедать. В машине Василий Егорыч спросил:

— Ну, как, мама? Каков я там, на работе?

Мать взглянула на него так, как обычно смотрит мать на любимое дитя. Взглянула и тихо произнесла:

— Сокол! Ясный сокол!

А после короткой паузы старуха сказала:

— Вася, ты не обижайся на старуху. Есть у меня кое-какие замечания.

— Замечания по работе ясного сокола? — засмеялся Василий Егорыч.

— Именно. Не нравятся мне, Вася, что ты одну старуху долго держал в передней и не хотел принимать.

— Какую старуху?

— А может, Вася, у той старухи очень важное дело?

— О какой старухе толкуешь?

— Ну, хорошо, что той старухой оказалась я. Мне на тебя обижаться не с руки. А чужая старуха могла и обидеться.

— Ой, мама, какая ты...

— Вот к тебе приходил такой седой низенький старик.

— Четвериков из планового отдела.

— Он самый. Как его кличут по имени-отчеству?

— Право, мама, не знаю.

— Вот об этом самом я и хочу сказать. Он тебя, молодого, по имени-отчеству величает, а ты его, старика, по фамилии обзываешь. Нехорошо, сынок, получается.

— Я об этом, мама, как-то и не подумал.

— И ещё о том ты, сынок, не подумал, что надо было бы попросить его сесть. Он

почти полчаса тебе докладывал. Ты сидел, а он стоял. Опять непорядок.

— Ну и глаз у тебя, мама!

— Слава богу, зрение в порядке. И на слух тоже жаловаться грех. Вот слышала я, к примеру, как ты сегодня какие-то копеечные дела отсылаи на согласование. А какому-то тресту семьдесят две тысячи скостил одним махом, много не думая. Как бы, сынок, не вышло тут ошибки? А?

— Не выйдег, мама, ошибки.

— Ну, и слава богу. Тебе виднее. Я же в этих делах мало разбираюсь. А скажи, пожалуйста, кто это приходил к тебе сегодня такой вертлявый с гладким пробормом?

— А что такое?

— Не по моему вкусу.

— Это растущий работник.

— А что у него растёт: чин или ум? А то бывает, чин у человека увеличивается, а ум ни с места.

— Чем же он тебе не понравился, мама?

— А вот тем самым, чем тебе понравился, сынок. Лебезит очень. В глаза очень преданно смотрит. И много сладких улыбок опускает начальству. Растущий, говоришь?

— Растущий.

— Ну и пуцай бы он рос где-нибудь подалеже от тебя...

— Что ты ещё заметила, мама?

— А ещё я заметила, сынок, что не всяк любит, когда ему правду говорят в глаза. Даже ясные соколы.

— Что ты, мама, я тебе очень благодарен. Честное слово, я...

На этом самом месте автор обрывает свой рассказ. Тут, конечно, следовало бы сказать, как ясный сокол даёт торжественное обещание исправиться в новом, 1948 году, изжить на практической работе все недостатки и т. д.

Но автор — не мастер описывать торжественные обещания.

Поживём — увидим. Не за горами 1948 год. И уже первые дни нового года покажут, какое влияние оказали слова матери на бородатое дитя.

Ироническая смесь

ПОБРОНЗОВЕВШИЕ ФИГУРЫ...

В литературных журналах продолжают печататься безоговорочно хвалебные статьи о произведениях, нуждающихся в серьёзной литературной критике.

Нет критики в журналах толстых: Одни торжественные тосты! Там рецензенты, вставши в ряд, Во все кадильницы кадят: «Какой роман ни разверни ты, Какую повесть ни прочти,— Здесь все велики, знамениты, И все здесь классики почти!» Едва поэт ещё безусый Напишет стих на тройку с плюсом, Как бедного в один момент Здесь превращают в монумент!

Видны в журналах там и тут Побронзовевшие фигуры... Вне критики они живут И часто — вне литературы!

К ПОЛЕМИКЕ МЕЖДУ «ТРУДОМ» И «ЛИТГАЗЕТОЙ»

Давно идёт меж ними драка, Но для читателей, однако, Ещё не ясно до сих пор: Зачем затеян этот спор?

НОВОСТИ КИНО

Что нового сказать нам о кино? А то, что нового там не видать давно!

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

(«НА ПОДСТУПАХ К ТРАГЕДИИ»)

В свою статью, написанную с пылом, Он элемент трагедии привнёс: Назвал Кирсанова Эскилом — И рассмешил читателей... до слёз!

ХРАБРЫЙ ПЕРЕВОДЧИК

В национальном отделе издательства «Советский писатель» ещё находят себе приют малограмотные авторы, которые переводят с 10—15 языков, не зная ни одного.

Он переводит смело и легко С азербайджанского, с тунгусского, Не зная этих языков И языка не зная русского!

ТИПЫ НОВОГОДНИХ ЕЛОК

Рис. А. КАНЕВСКОГО



Елка бюрократа.

Елка очковтирателя (сделана из липы).

Елка перестраховщика.

Елка низкопоклонствующего перед всем заграничным.



— Мы хорошо сработались, дорогая! Я был бы непрочь продлить контракт с вами и на 1948 год, если бы мне не препятствовали!

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)



Уважаемый Крокодил!

С каким удовольствием я и моя семья слушали в прошлом году новогодний радиоконцерт из Москвы! Выступали и Рина Зелёная, и Хенкин, и Утёсов... Вероятно, и в этом году будет не менее интересная новогодняя радиопередача. Но, увы, её нам не удастся поймать. Почему? Да потому, что наш приёмник «Родина» нем, как рыба. Ведь он рассчитан на питание накала и анодных цепей ламп от сухих батарей или аккумуляторов. А где взять батареи или аккумуляторы, если их нет в продаже?

Вот почему у большинства владельцев радиоприёмники «Родина» так же бездействуют, как бездействуют торгующие организации у нас в городе.

Е. СТАРКМЕТ

Ртицево,
Саратовской области.



Дорогой Крокодил!

В магазине Когиза мне 29 ноября продали одновременно два календаря: на новый, 1948 год и на старый, 1947 год. Новый календарь без старого не продавали.

Мне очень хочется поздравить работников Когиза с Новым годом. Но с каким? Со старым Новым годом или новым Новым годом?

Ты советуешь поздравить их с развёртыванием культурной торговли. Э, нет! Я лучше подожду до ноября 1948 года, когда поступят в продажу календари на 1949 год.

А. МЕЛЬНИК

Тирасполь.



Товарищ Крокодил!

От Урюпино до станции Алексиково всего 35 километров, но это расстояние поезд с трудом покрывает за сутки, а то и за двое. Не езда, а сплошные приключения: то машинисты пары упустили, то колёса расшатались. А то вдруг поезд остановился, потому что машинист отправился в деревню купить молочка или водочки, — повод для остановки всегда найдётся.

Во избежание недоразумений предупреди, пожалуйста, Новый год, чтоб он не вздумал добираться к нам поездом. Определённо опоздает.

Н. КИРСАНОВ,
секретарь Ново-Николаевского райкома ВКП(б)

Станция Алексиково,
Сталинградской области.



Товарищ Крокодил!

Ограничиваюсь лишь поздравлением с Новым годом. К сожалению, больше ни о чём не могу написать из опасения, что это послание не дойдёт к тебе.

Дело в том, что заведующая нашей почтой тов. Алакина очень любопытна и аккуратно читает всю корреспонденцию, которая поступает на почту. Если бы эта любознательная гражданка узнала, что я тебе пишу об этом, она, вероятно, осталась бы очень недовольна содержанием письма и, естественно, задержала бы его.

Поэтому, не говоря ничего худого об Алакиной, шлю только свои лучшие пожелания на Новый год.

В. ТУЛЫНКИН

с. Мадаево,
Горьковской области.

Редактор—Г. РЫКЛИН. Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. ШВЕЦОВ.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д-3-33-47. Прием ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал—3 руб. 20 коп. в месяц

Изд-во «Правда»

Москва.

Изд. № 893.

Подп. к печати 23/ХІІ 1947 г.

Статформат 72×105 см. Печ. л. 1 1/2.

Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000

А 11487.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 3675.

Тираж 150 000 экз.

Всесоюзная
книжная палата
обл. энз.
1948 г.



Привет коллегам
от скользющих
по поверхности

